Институт языкознания АН СССР

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ СИСТЕМ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

К 70-летию Э.Р.ТЕНИШЕВА

Москва
Главная редакция восточной литературы
Издательство "Наука"
1991

Е.А.Хелимский

Об одном диакритическом приеме создания древнетюркского рунического алфавита

I. В начале одного из своих исследований по языку тюркских рунических памятников Э.Р.Тенишев констатирует, что "общесемитический характер тюркской руники искусно приспособлен к свойствам тюркского фонетического строя", а завершается эта работа следующим замечанием: "Пока нет оснований считать систему согласных рунических надписей праязыковым состоянием, это лишь определенный этап в эволюции тюркского консонантизма" [I3, 289, 295]. Предлагаемое ниже объяснение генезиса некоторых знаков руники можно рассматривать как иллюстрацию к этим двум тезисам.

2. Как известно, значительная часть букв древнетюркского рунического алфавита имеет близкие как по начертанию, так и по фонетическому значению прототипы в среднеиранских алфавитах арамейского происхождения, в первую очередь в согдийском алфавите. К числу непосредственно заимствованных графем следует наверняка отнести ᛆ a/ä (согд. 𐽀), ᛒ b¹ (пехл. 𐭡), ᛁ i/i (пехл. 𐭩), ᚺ q (согд. 𐽆), ᚲ k (согд. 𐽊), ᛚ l¹ (согд. 𐽋, пехл. 𐭫), ᛗ m (согд. 𐽌, пехл. 𐭬), ᚾ n¹ (согд. 𐽍), ᚢ o/u (согд. 𐽏), ᛩ p (арам. 𐡐), ᚱ r¹ (согд. 𐽑), ᚦ t² (согд. 𐽒) [22, 6-I0; 2, I50-I56; 5, 94-98]. К этому известному из литературы перечню можно, как кажется, добавить и сопоставление тюркских рунических вариантов для t¹ - ᛏ, ᛐ, ᛑ, ᛔ [8, I7; 25, 23-24] - со среднеиранскими продолжениями арамейской "тет": парфянск. (Ниса) 𐭟, (сасанидск. надп.) 𐭮 [6, вклейка на с.I52-I53] [1].

I) Ср. сопоставление данного рунического знака с 𐭮 ṭ в согдийской азбуке из Пенджикента [5, 95].

Но не менее очевидно, что процесс создания рунического алфавита, будучи актом единовременной сознательной обработки одного из среднеиранских алфавитов [5, 95], включал в себя не только непосредственное заимствование букв (и их стилизацию с появлением характерной рунической угловатости большинства начертаний). Некоторые знаки представляют собой идеограммы, которые могли появиться только на собственно тюркской почве: ᛉ oq/uq/qo/qu - изображение стрелы (тюрк. oq "стрела") [I0, I77-I8I], возможно, также ᛇ j¹ - изображение полумесяца (тюрк. aj "луна") [25, 28] или лука для стрельбы (тюрк. ja "лук") [2, I52] и ᛓ b² - изображение юрты (тюрк. äb "дом") [25, 28]. Знак ᛣ ǒi (встречается в надписи Тоньюкука) - лигатура из ᛣ ǒ и ᛁ i/i [25, 45]. Происхождение значительной части других знаков, в частности, большинства дополнительно введенных в тюркский алфавит (по сравнению с его среднеиранскими источниками) знаков для согласных в словах с палатальным вокализмом, пока не получило удовлетворительного объяснения. В частности, несмотря на ряд ценных указаний специфического сходства знаков тюркской руники с согдийским курсивом У-УI вв., вряд ли может быть принята в целом гипотеза В.А.Лившица, который попытался свести к согдийским прототипам практически всю совокупность рунических букв. Даже с предположением о расщеплении аллографов и о многонаправленном преобразовании одной и той же графемы В.А.Лившиц вынужден был прибегнуть к таким малоправдоподобным деривациям, как согд. 𐽅 z → ᛦ → ᚻ → тюрк. ᚼ, или согд. 𐽄 n → ᛦ → ᚾ → тюрк. ᚾ n² или согд. 𐽖 r → ᛦ → тюрк. ᛉ r² [5, 95].[2]

3. С нашей точки зрения, заслуживает внимания системный графический параллелизм между серией рунических букв для обозначения переднеязычных сонантов - ᚾ n¹ ᚼ r¹ ᛉ l² (при том, что обозначения n¹ и r¹ наверняка имеют, как отме-

чалось выше, арамейско-среднеиранское происхождение) и следующей серией:

С минимальной поправкой на время и на стилизацию – древнетюркский рунический алфавит известен нам не в своем исходном виде, а приспособленным для высечения монументальных надписей – можно констатировать, что буквы второй серии отличаются от букв первой серии добавлением графического элемента в виде штриха или дужки, идущих слева направо и сверху вниз, а также (но только в качестве вариантов) симметричным отображением относительно вертикальной оси. Можно, таким образом, рассматривать буквы второй серии как графические деривaты букв первой серии, образованные с помощью диакритики ˊ, а именно:)→ʃ→ →ȝ, Ч→Ҷ→Ҷ, Ƴ→Ƴ→Ƴ, Ƴ.

Интересно в этой связи и специфическое сходство каллиграфических начертаний букв r^1 и z в рунике турфанских фрагментов: Ч и Ҷ, Ҷ [I, I30, I4I].

В случае с парой n^1 : ń использование диакритики вполне понятно. В случае с двумя другими парами все становится на свои места, если принять, что в момент создания древнетюркской руники на месте z и š еще произносились, как и в прототюркском, соответствующие плавные, скорее всего – палатальные ŕ и ĺ. При такой трактовке отмеченный системный графический параллелизм оказывается в прямой корреляции с системным фонетическим параллелизмом, и устанавливается, что диакритика служит для преобразования обозначений переднеязычных согласных в обозначения тождественных по способу образования согласных палатального ряда. Необходимость прибегнуть к этому диакритическому приему при создании древнетюркского рунического алфавита диктовалась отсутствием ń, ŕ, ĺ (и соответствующих графем) в среднеиранском.

Отметим, что в качестве изолированных фактов, вне системной корреляции сходство рунических начертаний для n^1 и ń отмечалось Дж.Клосоном [2, I5I], а сходство начертаний для l^2 и š – К.М.Мусаевым, причем именно в связи с вопросом о возможном фонетическом подобии соответствующих звуков в древнетюркскую эпоху [II, 359].

4. Таким образом, графический параллелизм между r^1 и z, l^2 и š находит объяснение в рамках концепции Г.Рамстедта, М.Рясянена, Н.Поппе, В.М.Иллич-Свитыча и других исследователей, которые с позиций сравнительной алтаистики принимают первичность плавных по отношению к фрикативным z и š. См. также дополнительную аргументацию в пользу этой концепции в работах автора данной статьи [I8, 40-5I; I9, 67-78], критические замечания по этому поводу Б.И.Татаринцева [I2, 20-32] подменяют поднятую Т.Текином и нами цельную проблему чередований типа r ~ z, l ~ š в древнетюркской морфонологии совокупностью частных, разрозненных, нередко крайне проблематичных или созданных ad hoc этимологических решений).

Излагаемые здесь наблюдения сами по себе оказываются значимым свидетельством в пользу этой концепции (и противостоят концепции первичности тюркских z и š, находящей себе в современной тюркологии едва ли не большее число сторонников). Кроме того, они дают материал и для абсолютной хронологизации. Можно полагать, что фрикативизация плавных особой артикуляции скорее всего, *ŕ и *ĺ – еще не происходила в момент создания древнетюркской рунической письменности, по крайней мере в том диалектном ареале, где эта письменность появилась. Таким образом, в качестве terminus post quem фиксируются У–УI вв. н.э. [9, 74] или даже УI–УП вв. н.э. [2, I37 и сл.; 3, 23; 5, 89–90 (с обзором проблемы датировки)] во всяком случае для Семиречья как наиболее вероятного района принятия тюрками "эстафеты письменности" от согдийцев и других среднеиранских народов. С другой стороны, наличествует и надежный terminus ante quem, приуроченный к региону орхонских памятников: в ряде текстов, в том числе в надписях Тоньюкука и Кюль-Тегина, относящихся к

---

[2] Начертание Š в надписи Тоньюкука см. 8, 56–57, строки 4,5 .

первой половине УШ в., наблюдается взаимозаменяемость графем для š и s ("перебой s/š"), что было бы невозможным при сохранении у тюрк. š прежней l-образной артикуляции [26, 36–39; 25, 93–98; I3, 289–29I]. Отметим, что датировка переходов *ŕ > z, *ĺ > š по данным графики, значительно ограничивая хронологический диапазон этих процессов, не противоречит другим указаниям (прямым или косвенным) на абсолютную хронологию: плавные заведомо выступали на месте фрикативных в период заимствования прасамодийцами из тюркских диалектов Южной Сибири слов типа самод. *jür "сто" (ср. тюрк. jüz), что связано, скорее всего, с контактами в последние века до или на рубеже н.э. [22; 23; I4, 36–47; I6, I22; I7, II]; весьма вероятно, что z и š еще не появились и ко времени отделения предков булгарской группы от оставшихся в Азии тюркских племен, т.е. в первых веках н.э. [24, I9]; в то же время не вызывает сомнений присутствие фрикативных z и š в тюркских памятниках уйгурского и арабского письма IX–XI вв.

5. Гипотеза о том, что для передачи тюркских согласных, отсутствовавших в среднеиранских языках, был использован диакритический прием, хорошо согласуется с другими фактами из истории письменностей и графических систем Центральной Азии, восходящих к арамейской традиции, в I тыс. н.э. В различных вариантах манихейского письма известны такие диакритические приемы, как точка или две точки над производящей графемой (для отличения β от b, f от p, ž от z, x от k) и завиток в нижней части буквы (для отличения γ от g, ž от z) [I5, 4II; 7, 362]. В согдийском письме, использовавшем арамейский "ламед" для передачи δ появился факультативный прием отличения l от r с помощью завитка (крючочка) под графемой r; эта вновь созданная графема l была заимствована в уйгурское и монгольское письмо [7, 37I]. В уйгурском алфавите добавочные диакритические точки и модификации использованы для отличения ž от z, š от s, ö/ü от o/u [8, I06; I5, 4II]. В этот ряд приемов естественным образом становится и штрих (или дужка) древнетюркской руники,

хорошо сочетающаяся с ее специфической угловатостью.

6. Предложенное выше объяснение происхождения рунических знаков для ń и z не имеет, по-видимому, правдоподобных альтернатив (ср. фантастическую деривацию согд. z → → → → у В.А.Лившица [5, 95] и вынужденное сравнение с греческой "дзета" у Дж.Клосона [2, I52]. Однако гораздо более весомым выглядит сравнение рунической š с арамейской "шин", сохраненной в ряде среднеиранских алфавитов [2, I52; 6, вклейка на с. I52–I53]. Есть, тем не менее, основания предполагать, что относительное сходство начертаний является не более чем случайностью, такой же, как совпадение одного из аллографов тюрк. z, а именно [I, I42], с рукописным вариантом графемы z в латинице.

В рунических памятниках из района Семиречья, которые, по мнению ряда исследователей, являются наиболее ранними [6, 74; 5, 89] (а если это и не так [4, 25–47], то, во всяком случае, продолжают местную письменную традицию, независимую от традиций орхоно-енисейской руники), для š используются специфические начертания: [9, 58–6I; I, I35]. Достаточно очевидно, что эти начертания являются диакритическими модификациями не графемы l^2, а графемы l^1, имеющей также (в том числе и в Семиречье) аллографы [I, I20]. Это обстоятельство делает маловероятным возведение рунической š к арамейской "шин". В то же время закономерность создания производных графем для согласных палатального ряда становится еще более строгой: в графической традиции Семиречья ŕ (=š) представляет собой диакритическую модификацию l^1, а не l^2, точно так же, как знак для ń образован от знака для n^1 (а не n^2) и знак для ŕ (=z) – от r^1 (а не r^2).

8. Та относительная легкость, с которой в конце прошлого века памятники древнетюркского рунического письма поддались дешифровке с опорой на материал позднейших и современных тюркских языков и диалектов, привела к доминации в изучении особенностей графики и языка этих памятников подхода скорее диалектологиче-

10-4 246

ского, нежели реконструктивного. Представленные выше соображения позволяют отказаться по крайней мере от одного из традиционных постулатов – от представления о том, что общетюркское фрикативное произношение z и š было изначально свойственно языку древнетюркской руники, который в действительности являл "лишь определенный этап в эволюции тюркского консонантизма" (как, разумеется, и вокализма, и грамматического строя в целом). Не исключено, что и какие-то другие черты графики и языка рунических памятников, пока что условно отождествляемые с фактами языков-потомков, могут оказаться единственными отражениями повсеместно исчезнувших в дальнейшем языковых реликтов[3].

Литература

I. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., I983.
2. Клосон Дж. Происхождение тюркского "рунического" письма / Зарубежная тюркология, вып.I. М., I986.
3. Кононов А.Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников УП–IX вв. Л., I980.
4. Кормушин И.В. К основным понятиям тюркской рунической палеографии / Советская тюркология, I975, №2.
5. Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности / Советская тюркология, I978, №4.
6. Лившиц В.А. Парфянский алфавит / Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., I98I.
7. Лившиц В.А., Хромов А.Л. Согдийский язык / Основы иранского языкознания: Среднеиранские языки. М., I98I.
8. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., I95I.

3) Если это так, то сложившуюся в тюркологии ситуацию можно сопоставить с ситуацией в русистике и славистике после того, как были открыты новгородские берестяные грамоты, но до того, как исследования А.А.Зализняка позволили дать языковым особенностям этих грамот адекватную интерпретацию (см. [20, 89–219]).

9. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.–Л., I959.
I0. Поливанов Е.Д. Идеографический мотив в формации орхонского алфавита / Бюлл. Среднеазиатского гос. ун-та, вып.8, I925.
II. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика / Отв. ред. Э.Р.Тенишев. М., I984.
I2. Татаринцев Б.И. К согласованию ностратической теории с результатами изучения тюркских языков / Вопросы языкознания, I989, №3.
I3. Тенишев Э.Р. Перебой s/š в тюркских рунических памятниках / Структура и история тюркских языков. М., I97I.
I4. Филиппова Т.М. О древних самодийско-тюркских контактах / Сибирский диалектологический сборник (на материале языков коренных народов Сибири). Новосибирск, I980.
I5. Фридрих И. История письма. М., I979.
I6. Хайду П. Уральские языки и народы. М., I985.
I7. Хелимский Е.А. Историческая и описательная диалектология самодийских языков: Дисс. ... д-ра филол.н. в форме научн. докл. Тарту, I988.
I8. Хелимский Е.А. Происхождение древнетюркского чередования r z и дилемма "ротацизма – зетацизма" / Советская тюркология, I986, №2.
I9. Хелимский Е.А. Решение дилемм пратюркской реконструкции и ностратика / Вопросы языкознания, I986, №5.
20. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок I977–I983 гг.). М., I986.
21. Donner K. Zu den ältesten Berührungen zwischen Samojeden und Türken / Journal de la Société Finno-Ougrienne 40 : 1, 1924.
22. Gauthiot R. Essai de grammaire sogdienne. 1: Phonétique. P., 1914–1923.
23. Joki A.J. Die Lehnwörter der Sajansamojedischen. Helsinki, 1952 (MSFOu 103).

24. Ramstedt G.J. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. I: Lautlehre. Helsinki, 1957 (MSFOu 104 : 1).
25. Tekin T. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington - The Hague, 1968.
26. Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchifrées. Helsinki, 1896 (MSFOn 5).